

迷
境
·
青
鸟

СКАЗАНИЕ СИНЕЙ ПТИЦЕ

ЛИ ЦЮЮАНЬ
李秋沅

18+

Земля Легенд. Мифы Азии

Ли Цююань

Сказание о Синей птице

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

Цююань Л.

Сказание о Синей птице / Л. Цююань — «Издательство АСТ»,
2019 — (Земля Легенд. Мифы Азии)

ISBN 978-5-17-153667-1

На берегу реки Тумэньцзян ученые обнаруживают древний храм с фресками исчезнувшего много тысяч лет назад народа муя и шкатулку с таинственным амулетом-полуптицей. Археолог дарит находку своей дочери Ланьсинь и пропадает без вести во время очередной экспедиции. Проходят годы, и девушку то ли наяву, то ли во сне начинают посещать видения, будто она птица с белоснежным оперением, которая поет и танцует среди снегов священной горы Энигмы, где обитает суровый бог, играющий в вэйци. Передвигая черные и белые камни на игровой доске, он вершит судьбы народов древнего Китая. Ланьсинь отправляется на поиски отца – и в этом мистическом путешествии находит себя и раскрывает тайну музыки муя, когда-то хранившую мир от страшных бед.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-17-153667-1

© Цююань Л., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	10
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ли Цююань

Сказание о Синей птице

Mystery Land Blue Bird

Text © Li Qiuyuan

Cover and illustrations © Yao Li

First published in 2019 in China by China Children's
Press & Publication Group Co., Ltd.

All Rights Reserved.

© Сафронова Д., перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие Возвращение к тайне

Я никогда не забуду таинственную Энигму. Лэй ¹, сын этой Священной горы, обнаружил в Долине Снегов божественную птицу, чье сердце было заковано в лед миллионы лет назад. Именно в Энигму Ланьсинь вместе с Цзян Ли отправилась на поиски пропавшего отца. Там Лэй, обняв окровавленное тело Ланьжэ и бросив взгляд на небо, обратился в золотой песок. Там Дань Чжу ² с тоской расстался с отцом и отправился в холодную Долину Снегов, а его теплая человеческая кровь, постепенно сгущаясь, превращалась в лед. Там игральная доска горного бога раскололась под мелодичное пение Синей птицы... Я не могу забыть истории этой загадочной земли, которую создала чернилами на бумаге, а также о персонажах, населяющих тот край.

Когда-то мне приснился сон, который и побудил меня написать эту историю, – я увидела бескрайнюю безмолвную пустыню. Проснувшись, вспомнила фильм из своего детства о Запад-

¹ Лэй, или Лэй-гун (кит. #) – в китайской мифологии бог грома. (Здесь и далее прим. ред.)

² Дань Чжу (кит. ##) – в китайской мифологии сын легендарного правителя Яо; известен своими заносчивостью и непо-
читательностью к старшим.

ной Ся³. Сюжет большей частью позабылся, но одна сцена произвела на меня глубокое впечатление и помнится до сих пор: после многих дней боев из войска остался лишь один воин, который с восходом солнца встал один против многочисленного противника и без колебаний бросился на коне в атаку... Огромная пустыня молчаливо наблюдала за этой схваткой.

Лэй – первый персонаж, появившийся в романе. Он воплощает мои воспоминания о воине, в одиночку сражающемся в бескрайней пустыне. Так сон, увиденный мною в детстве, из расплывчатого воспоминания превратился в фантастический роман.

Страну, за которую сражался Лэй, я назвала Энигма, что означает «тайна», «потерянная мечта». Какое же это красивое место: светло-голубое небо и кристально-чистая, прозрачная вода. Под облаками высятся изумрудные горы, укутанные туманом, воздух наполнен ароматом мяты и лилий. Река Юань Хэ, берущая начало в снежных вершинах Священной горы, несет свои воды в долину. Там монарх справедливо управляет страной, чтит церемонии и музыку, в его владениях царят мир и безопасность.

Я начала писать историю о поиске затерянного древнего государства муя⁴. Принцесса народа муя, кулоны с полуптицей, загадочные надписи, посланник из Долины Снегов и, конечно же, Лэй, сын Священной горы. Они вступили в мир слов из моих воображения и снов, обрели собственный характер и вместе влились в эту романтическую историю. Моя фэнтези-повесть «Земля бога Энигмы» завоевала любовь многих читателей. Они обращались ко мне с сообщениями в надежде на продолжение.

Осенью 2011 года, по предложению моего редактора Ван Су, я решила расширить повесть «Земля бога Энигмы» до полноформатного романа. И вот спустя год мне вновь потребовалось открыть старые записи. Задумав книгу, я обычно собираю информацию, связанную с предысторией событий, которые лягут в основу сюжета, – так ко мне приходят новые идеи и вдохновение. В повести упоминалась вэйци⁵, поэтому я в первую очередь стала узнавать как можно больше об этой игре. В процессе сбора информации мое внимание привлек факт, что, согласно легенде Чжу, сын императора Яо⁶ был создателем вэйци, поэтому я решила найти в легендах и сказаниях что-то про самого Чжу. Сбор дополнительных материалов всегда преподносит сюрпризы, словно волшебный калейдоскоп с разными стеклышками. Узоры постоянно меняются, добавляется все больше красок. Старшего сына императора Яо – Чжу – в «Книге гор и морей»⁷ прославляли как великого императора Дань Чжу, но в более поздних легендах его называли не иначе, как «недостойный». После я перешла к другим материалам: спорам вокруг древнего обычая отречения от престола в «Бамбуковых анналах»⁸ и «Хань Фэй-цзы»⁹; истории об исчезновении «Книги музыки»¹⁰, одной из «Шестикнижия»¹¹; легенде о Черной птице Сюань-

³ Западная Ся (кит. ##) – мифическая династия, правящая в Древнем Китае приблизительно с 2020 по 1765 г. до н. э.

⁴ Муя – одна из народностей, проживающих на территории Тибета.

⁵ Вэйци (кит. ##, досл.: «окружающие шашки») – логическая настольная игра с глубоким стратегическим содержанием, возникшая в Древнем Китае, по разным оценкам, от 2 до 5 тысяч лет назад; инвентарем для игры служат расчерченная на мелкие квадраты доска и черные и белые камни.

⁶ Император Яо (кит. #) – в китайской мифологии идеальный и мудрый правитель, чье царствование представлялось золотым веком.

⁷ «Книга гор и морей», или «Шань хай цзин» (кит. ###) – памятник древнекитайской литературы, датируемый III – нач. II в. до н. э.; описывает реальную и мифическую географию Китая, черпая сведения из географии, космологии, медицины, а также из мифов, легенд и верований.

⁸ «Бамбуковые анналы» (кит. #####) – один из важных письменных источников по истории Древнего Китая, созданный ок. 300 г. до н. э.

⁹ «Хань Фэй-цзы» (кит. ###) – древнекитайский трактат Хань Фэя, ведущего идеолога древнекитайских легистов, отстаивавших преимущества деспотической формы правления.

¹⁰ «Книга Музыки», или «Юэ цзин» (кит. ##) – древнекитайская книга о музыке, сгоревшая в пожаре в 212 г. до н. э.

¹¹ «Шесть классических произведений», или «Шестикнижие» (кит. ##) – древнекитайский конфуцианский канон, состоящий из книг «Пятикнижие» и утраченной «Юэ цзин» – «Книги Музыки».

няю ¹², создавшей династию Шан ¹³; описаниям найденных в деревне Цзяху провинции Хэнань костяных флейт... Все эти многочисленные факты и истории слились в моем сердце, медленно рождая собственные голоса. Они самостоятельно развивались, не противореча друг другу.

Я могла лишь следить за этими звуками, разъединять их и собирать воедино. Усложняясь, сюжет преподносил мне все новые сюрпризы, отчего работа над книгой становилась еще увлекательнее.

В 2012 году была опубликована «Легенда об Энигме». На это название меня навел читатель. Раз «Энигма» означает «тайна», то почему бы так не назвать роман? – предложил он, и я согласилась. А в 2018 году я пересмотрела и дополнила изданную книгу. Так появился на свет роман «Сказание о Синей птице», повествующий о загадочной Энигме. В ней содержится большое количество отсылок к древнекитайским мифам и легендам. История получилась очень «китайской», с восточным характером, поэтому и название у нее должно быть с отсылкой на мифологию. Спустя много лет «Сказание о Синей птице» переиздали, чему я очень рада.

То, о чем я пишу, ни в коем случае не претендует на историческую точность, не является правдивой историей Китая или человечества, ведь роман создан не историком и не знатоком литературы. В этой книге я хотела лишь напомнить читателям, что история человечества полна убийств и войн. Борьба между добром и злом никогда не прекращается. Ничего нового, этот трагический сюжет всегда повторяется. В книге человеческая история представлена как игра в вэйци, которую ведет бог Энигмы. На самом деле никакого бога Энигмы не существует, а, как говорится в романе, «из века в век войны происходят из-за людской жадности. Успех одного строится на жертвах многих. Я [бог Энигмы] тьма и кровь мира людей, и те сами вручили мне свою погибель...»

Борьба со злом с помощью хороших манер и музыки – красивая иллюзия. Это слишком романтично, но я не могу придумать силы лучше для противодействия злой воле вэйци. А мифы и легенды как будто поддерживают мою идею. Согласно древним легендам, в эпоху императора Яо придворным музыкантом Чжэн Куем была создана «Дачжан» ¹⁴ – нежная и умиротворяющая музыка, трогаящая сердца многих и несущая умиротвоение. К сожалению, эта мелодия была утеряна. «Книга музыки», одна из «Шестикнижия», также бесследно исчезла в пламени войны. Утрата этих произведений, вобравших в себя мудрость предков, – невосполнимая потеря для китайской культуры. В романе я провела параллель между потерянной «Книгой музыки» и потерянной «Небесной музыкой» и сделала так, что на костяной флейте можно исполнить утерянные мелодии. Тем самым я выразила надежды о мире.

Мне всегда было интересно творчески осмыслить такие понятия, как реальность и иллюзия, ложь и истина, поэтому «Сказание о Синей птице» не стало исключением. Я вложила свои размышления в спор между Черной и Синей птицами, затронула тему войны и мира, воплотившуюся в противостоянии вэйци и «Небесной мелодии», поставила героев перед выбором между истинным богом и ложным, между подлинным предназначением и мнимым, изобразила настоящий и похожий на настоящий народы муя...

Я сопоставляла сюжеты древних легенд с археологическими свидетельствами и была удивлена четкой связью между ними; тогда мне вдруг вспомнилась чья-то фраза: «Истории всегда дремлют, а писатель – это тот, кто пробуждает их ото сна и выводит на свет с помощью пера».

¹² Сюань-няо (кит. 嫫女) – китайский мифологический персонаж, одно из высших женских божеств; дочь верховного бога Тянь-ди (Небесного Императора) и повелительница Девяти небес. Исходно имела облик архаического тотема шан-иньцев «таинственно-темной птицы», идентифицируемой с ласточкой.

¹³ Династия Шан (кит. 商) – другое название государства Инь, или Шан-Инь; ранее китайское царство, существовавшее с 1554 по 1046 г. до н. э.

¹⁴ «Дачжан» (кит. 大章) – название древнекитайской мелодии.

«Для Синей птицы вот-вот наступит вечная ночь, а для Ланьсинь вновь взойдет солнце...»

«Сказание о Синей птице» рассказано, но в таинственной стране наверняка есть другие истории, которые дремлют и ждут пробуждения.

Ли Цююань

Когда свет и аромат Энигмы воссоединятся, птица с человеческой головой пробудится ото сна...

Я – Ланьсинь
Синяя птица,
Шашка на игровой доске,
Но и надежда.

Удастся ли увидеть давно застывший кровавый след в знакомых сценах прошлого и настоящего, в сюжете трагикомедии, что так близок к реальности?

Для Синей птицы вот-вот наступит вечная ночь,
а для Ланьсинь вновь взойдет солнце...

Глава первая

Храм

– 1 ~

Мне снова снилось, как я падаю глубоко-глубоко.

В забытии, я продолжала падать в безбрежно-белом хаосе. Вокруг – ни единого звука, ни одного образа, я парила в бескрайнем небытии. Я забыла, откуда я, где моя цель, и главное – я не помнила, кто я.

Ни радости, ни печали, ни сожалений, ни забот...

Когда падение прекратилось, я поняла, что лежу на снегу.

Мои снежно-белые крылья были тяжелые, как будто сделанные из свинца. Снежинки безучастно летели сквозь неоглядную высь, морозным пухом укрывая мое тело. Было до дрожи холодно, но я не могла проснуться.

Время тянулось медленно-медленно, и, казалось, не будет конца этому сну.

Пара теплых рук подняла меня со снега, и я очутилась в уютных объятиях.

Тук-тук, тук-тук...

Следуя за биением сердца этого человека, мое сердце забилось быстрее, гулко разгоняя кровь по телу. Вскрикнув, я высвободилась из объятий и, распахнув снежно-белые крылья, начала танцевать. После падения это были мой первый танец и моя первая песня.

Уже не помню, как я начала свой танец. Инстинктивно распахнув крылья среди снежинок, что кружились в небе, я дышала и пела, следуя за ритмом ветра. Хорошо помню ощущение уюта и покоя, которые, подобно лучу света, согревали мое сердце. Я хотела поймать это ощущение, но оно вдруг исчезло. Со вздохом сожаления я сложила крылья.

Кто я? Откуда пришла и куда направлялась?

– Где это мы? И кто вы? – спросила я, взглянув на человека передо мной.

– Это Долина Снегов Священной горы Энигма, самое спокойное и уединенное место на земле. Я сын этого благословенного края. – Его глаза были чисты и спокойны, напоминая мне снег. – А вы? Откуда вы?

– Не знаю. – Я прикрыла глаза.

– Вам известно, насколько прекрасна ваша песня?

– Нет. – Я распахнула глаза. Я говорила правду: я не слышу звука собственной песни, для меня она звучит как долгие и монотонные завывания ветра. – Ах...

– Сколько вы пролежали в снегу?

– Не знаю. – Шмыгая носом, я нахмурилась.
– Кто вы?

Не знаю, ничего не знаю. Перед закрытыми глазами безмолвная тьма, мысли и воспоминания вызвали у меня ужасную головную боль. Я резко вскрикнула и взмыла на крыльях в туман. Внезапное головокружение, мельтешение снежинок в небе, образ этого человека, – и я снова погрузилась в хаос, не разбирая, что сон, а что туман, и кто я.

* * *

Когда я очнулась, уже забрезжил рассвет. Небо за окном окрасилось в торжественный темно-синий цвет, на окрестностях лежала таинственная тишина, какая бывает, когда день встречает ночь.

Скрестив руки, я глубоко вздохнула. Мои руки были гладкие и нежные, крылья исчезли. Прислушиваясь к собственному дыханию, я смотрела, как небо цвета индиго за окном постепенно теряет свою глубину и торжественность, становится все светлее и светлее. Вслед за ним поблекли Долина Снегов и Священная гора из моего сна.

– 2 ~

Мне часто снятся необыкновенные сны, а с уходом отца они стали еще чаще.

Во сне я нередко вижу прекрасную знатную даму. Она величественна, словно императрица. Роскошные одеяния, однако, не могут скрыть ее истощенного и болезненного тела. Она учит меня читать иероглифы. Протянув шелковый свиток, исписанный золотом, дама велела выучить его наизусть.

– Выучи, выучи это, – говорила она мне, а ее глаза смотрели с бесконечной надеждой и печалью.

Во сне я неожиданно понимала, что вижу сон, и будила себя словами «запомни, запомни, запомни все». Но как только просыпалась, облик женщины из сна и содержание шелкового свитка ускользали от меня.

Полководец в белых доспехах на поле боя также много раз являлся мне во снах. Я видела, как в кровавых лучах закатного солнца на земле лежали убитые воины, ветер колыхал сухую траву, клубилась пыль, вокруг было пустынно и тихо. Полководец в белом, весь в крови, вскочил на коня, закричал и, подняв алебарду, в одиночку бросился в атаку. Десятки копий вонзились в его тело, хлынула кровь... Этот сон повторялся вновь и вновь.

Я не всегда различала, где сон, а где реальность. То ли сны серьезно влияли на мои воспоминания, то ли я во сне вспоминала ранее забытое...

Однако отца в моих снах не было.

Он пропал без вести десять лет назад. За все это время я ни секунды не скучала по нему, ведь он всегда был в моем сердце, и я чувствовала его присутствие. Я знала, что отец где-то там, в незнакомом месте, ждет меня.

2 июня 2040 года историк Сюэ Сюй вместе с группой археологов отправился в глубь пустыни Энигма на северо-западе от Тумэня, где, по легенде, располагался таинственный древний город Энигма. Песчаная буря застала группу врасплох, а как только она стихла, ученые обнаружили, что сбились с курса. Спустя две недели запасы питьевой воды и еды закончились. Сюэ Сюй отправился на поиски колодца или родника и не вернулся. Через три дня группу спасли, а ученый так и не появился в лагере. Еще одним таинственным исчезновением в пустыне Энигма стало больше...

Это газетная заметка про моего отца, его звали Сюэ Сюй.

Я собираю все связанные с ним публикации, аккуратно вырезаю их и складываю в папку, которую храню под замком. Отец оказался заперт в этих заметках в ящике стола. В то время как мой мир меняется, становясь все ярче и красочней, отец пребывает в темном, безмолвном мире.

Я не верю! Не могу смириться с тем, что он застыл в этой тишине. Я никогда не оставляю попыток найти способ связаться с ним. Я изучила множество книг из разных областей и каждый вечер молюсь о том, чтобы встретить отца во сне. Вот только все мои усилия тщетны. Он не принадлежит миру грез.

– Ланьсинь, попрощайся со мной. – Раз за разом вспоминаю, как десять лет назад отец присел на корточки передо мной, восьмилетней, и взглянул мне в глаза.

– Не хочу! – Я крепко обхватила его за шею, не желая отпускать.

– Ланьсинь, отпусти, мне надо идти.

– Когда ты вернешься?

– Скоро... – протянул он в ответ.

Я расплакалась, ведь каждый раз, когда отец уходил, мы прощались надолго. Я молча плакала и держалась за него.

Он снял с шеи оберег в виде птицы с человеческой головой и надел его на меня. Оберег еще хранил его тепло. Я перестала плакать, постепенно выпуская отца из объятий, потом взглянула на кулон. Казалось, он был деревянный, а в то же время и нет: источая древесный аромат, фигурка отливала мрачным металлическим блеском.

– Сюэ Сюй, оставь его себе, Ланьсинь он не нужен, – сказала мать.

Отец поправил оберег на моей шее, бросил взгляд на мать и, рассмеявшись, ответил:

– Этот кулон теперь принадлежит Ланьсинь. – Он повернулся и поднял дорожную сумку.

Выражение лица матери изменилось, ее взгляд наполнился холодом.

– Я буду очень по тебе скучать, – желая казаться взрослой, медленно произнесла я ему вслед. Отцовские плечи напряглись. Обернувшись, он посмотрел на меня вдруг помутневшими глазами.

– Ланьсинь... – Он поставил сумку на пол, опустился передо мной на колени и, крепко обняв, прошептал: – Я скоро вернусь, запомни это!

И я запомнила.

Многие говорили мне, что отец погиб, и никто не верил в обещание, которое он дал напоследок.

Только я продолжала верить его словам.

– 3 ~

За последние десять лет мы с матерью несколько раз переезжали с одного места на другое, пока наконец не добрались до южного острова Циси, теплого и уединенного. Здесь никто не знал, что я дочь пропавшего Сюэ Сюя, и никто не смотрел на меня с жалостью.

Я не нуждалась в жалости.

Моя мать была выдающимся археологом, в таланте и известности не уступала отцу. Она одной из первых начала изучать культуру муя, но после моего рождения ушла из мира археологии. Сейчас она хозяйка постоянного двора «Гости во снах». Постояльцам нравятся уют и тепло нашей гостиницы. Мне тоже. Слушая шум волн и смотря на море, я чувствую, что ритм моей жизни становится размереннее.

Я полагала, что дни на острове Циси будут похожи друг на друга, но однажды к нам пришла гостя...

Мать долго разговаривала с ней в стеклянной оранжерее. Женщина сидела, прислонившись к прозрачной стене, и мне был виден лишь ее стройный силуэт. На улице постепенно смеркалось, а свет внутри еще не включили. Гостья закурила сигарету, и та посверкивала маленьким красным огоньком.

Проснувшись на следующий день, я увидела мать, все так же сидящую в зале оранжереи.

Гостья уже ушла. На чайном столике лежала стопка исписанной пожелтевшей бумаги, прошитой хлопковыми нитками. В зале ощущался слабый запах мятного табака, смешанный с ароматом водных растений.

– «Тайны Энигмы». – Я подняла со столика рукопись и узнала энергичный, мягкий почерк. Мое сердце гулко застучало, и, взглянув на мать, я не смогла произнести ни слова.

– Все верно, это записи твоего отца... – Ее взгляд словно пронзал меня.

– Как они оказались у той женщины? Кто она?

– Это не имеет значения... – вскользь пробормотала мать.

Я не поверила.

– Где она сейчас? Мне нужно с ней встретиться.

Я хотела знать все, что связано с отцом, потому что чем больше я знаю, тем быстрее смогу встретиться с ним.

– Нет, – не задумываясь отрезала мать, вставая.

– Почему?

Она пристально посмотрела на меня и строго сказала:

– Это события прошлого, позволь им там и остаться. Сейчас мы должны устраивать свою жизнь.

Не решаясь что-либо ответить, я перехватила ее взгляд.

– Похоже, нам снова нужно переезжать, – произнесла мать, отводя глаза и теперь задумчиво рассматривая цветы и виноградную лозу во дворе гостиницы, окрашенные в розово-красный утренними лучами солнца.

– Я не поеду, – сказала я после долгой паузы, набравшись наконец храбрости. – Мы целых десять лет переезжаем с места на место. Почему? И почему после визита той женщины ты говоришь, что нам нужно уезжать? Что ты скрываешь?

Мать опустила голову, жестом позвала меня сесть рядом с ней, а после долго и нежно гладила меня по руке.

– Хорошо, мы никуда не поедem... – глубоко вздохнув, произнесла она, словно приняла решение. И в этот момент я вдруг увидела, как она постарела и какой стала беспомощной.

– 4 ~

Несколько дней спустя мне позвонила незнакомая женщина.

– Ланьсинь, давно от тебя ничего не было слышно! – Ее голос был нежен, словно утренний туман, и ласкал мой слух, проникая в самые дальние уголки сердца.

– А вы... – В памяти вдруг возник силуэт с горящим огоньком за стеклянной стеной. Что-то подсказывало, что это именно та женщина.

– Меня зовут Цзян Ли, это я принесла «Тайны Энигмы». Я бы хотела с тобой встретиться...

Я всю ночь не могла уснуть. Ворочалась в кровати, а оберег в виде птицы то и дело впивался мне в грудь. С тех пор, как отец отдал его мне, он всегда был со мной и придавал мне сил.

Стрелки настенных часов неумолимо отмеряли ход времени. Тик-так, тик-так, тик-так... круг за кругом. Я решительно встала с кровати и достала из прикроватной тумбочки записи отца.

Могу с уверенностью сказать, что Тумэнь тесно связан с легендарной Энигмой. По преданию, Энигма ближе всех к божествам, а хозяева Энигмы – люди муя. У таинственной народности муя была своя собственная письменность, развитая культура. *Спустя двадцать лет, после вторжения с севера народа молан, муя таинственным образом исчезли. Вместе с народом исчезла и их выдающаяся цивилизация, и процветающий город Энигма.*

Меня резко потянуло в сон, буквы перед глазами поплыли...

* * *

«Это город Энигма, столица государства муя, он стоит ближе всех к священным горам...» Знакомый шепот привел меня в уже виденный прежде сон. Я вновь вернулась в Долину Снегов Священной горы, а за моей спиной снова были снежно-белые крылья.

У подножия горы я увидела величественный город, окруженный туманом.

– Э... ниг... ма... – с трудом пыталась я произнести это слово, но звучало оно как дуновение ветра.

Тот мужчина, сын Священной горы, засмеялся.

– Хорошо звучит. Э... ниг... ма, – ободряюще сказал он.

Я отвернулась, прикрыла глаза и замолчала.

– Я хочу взглянуть на то, что там происходит. Хотите со мной?

– Божество не может вмешиваться в дела людей и не может покидать эту гору, – ответила я ему.

Он улыбнулся. Его взгляд был прикован к городу у подножия горы.

– Ни божество, ни человек не помешают мне сделать то, чего я хочу.

– Нельзя, нельзя вмешиваться в дела людей... – оцепенело повторила я. – Нельзя, нельзя...

* * *

Когда я проснулась, уже рассвело и солнечные лучи пробивались сквозь шторы. Отцовские заметки лежали на полу у кровати. Я перевернулась на другой бок, отворачиваясь от солнечного света.

– 5 ~

С Цзян Ли мы встретились в библиотеке на территории университетского кампуса. Она подошла ко мне, одетая в белый костюм, благоухающая прохладными водными цветами. Я глубоко вдохнула аромат ее духов, и у меня закружилась голова. Знакомый запах, но он словно был из другого времени и пространства, что привело меня в замешательство.

– Ты забыла? Когда-то давно мы уже встречались. – Она бросила взгляд на мой кулон, затем посмотрела на меня и засмеялась.

Я судорожно копалась в памяти... Цзян Ли, Цзян Ли... Ее облик, голос, запах – все это было мне знакомо. Я ее знаю? И как давно?

Нет, не могла вспомнить.

– Около десяти лет назад... ты звала меня тетушкой Ли.

– Вы – тетушка Ли?!

– Да.

Наконец-то я вспомнила! Эта женщина помогала моему отцу в археологических исследованиях. Она все еще была очень красива, прошедшие годы лишь добавили ее взгляду глубины и спокойствия. После того как отец пропал, она сопровождала мою мать в Тумэнь, но потом они потеряли связь.

– Я не прекращала попыток вас найти. Несколько лет назад в исследовательском институте провели ремонт и нашли десятки коробок с архивными материалами. Также были найдены работы ученого Сюэ, созданные более десяти лет назад. Они должны были быть уничтожены, но я забрала их и навела справки, чтобы связаться с твоей матерью. Вы ведь переезжали...

– И не раз.

– Когда мы с ней разговаривали... она не хотела, чтобы кто-то тебя беспокоил. – Тетушка Ли пристально посмотрела на меня: – Когда твой отец пропал, тебе было только восемь, верно?

– Верно. Он ушел... но не навсегда. – Скольким бы людям я это ни повторяла, никто мне не верил.

– Поедем в Тумэнь. – Цзян Ли вытащила из сумки толстый журнал, название на обложке гласило: «Полный географический справочник Китая». Открыв его на какой-то странице, она протянула мне справочник и сказала: – Это храм богини на берегу реки Тумэньцзян. Больше двадцати лет назад твой отец участвовал в раскопках и исследовал его.

Я молча забрала у нее книгу и посмотрела на фотографию. Заброшенный храм в свете закатного солнца; извивающаяся вдоль пустынных берегов река Тумэньцзян; сидящий у воды старец в белых одеждах, который задумчиво смотрит вдаль... Я как будто увидела один из своих страшных снов, дышать стало трудно. Все казалось очень знакомым.

– Я... была здесь! – не задумываясь выпалила я, указывая на снимок.

– А? – Цзян Ли заглянула в справочник и медленно проговорила: – Побережье реки Тумэньцзян только недавно открыли для туристов. Ты уверена, что была там?

Я посмотрела в ее темные с поволокой глаза, которые завораживали своей чернотой. Меня охватило сомнение, голова слегка закружилась. Вновь открыв справочник, я решила получше рассмотреть снимок. Все так знакомо! Мое сердце сжалось, в глазах помутнело, и я вдруг ощутила щемящую грусть. Коснувшись фотографии, я будто действительно потрогала шероховатый песок на берегу реки Тумэньцзян. Я закрыла глаза и, кажется, услышала звонкое щебетание птиц, но их нежная песня была пронизана печалью, которая охватила и мое сердце.

«Вернись... Вернись... Вернись...» – послышалось, как зовет меня таинственный берег реки. Я глубоко вздохнула, открыла глаза и, захлопнув справочник, уверенно сказала:

– Возьми меня с собой. Мне нужно там побывать.

– Хорошо.

Я пошла попрощаться с матерью.

– Мне надо уехать.

– Хорошо, поезжай вместе с Цзян Ли. – Выражение ее лица было удивительно спокойным. – Она ведь тебя нашла.

Шмыгая носом, я вздохнула.

– Отлично. Мы с ней вместе отправимся в Тумэнь, далее в Энигму и найдем отца...

– Твой отец давно мертв, – прервала меня мать.

– Нет, он не умер.

– Он ушел, его больше нет с нами. Твоего отца больше нет!

– Неправда! Он ушел не навсегда, – настаивала я, не желая отступать.

Воцарилось долгое молчание.

– Ты знаешь, это лишь вопрос времени.

Спокойный тон матери меня расстраивал, но я решила разговаривать с ней как можно мягче.

– Я не могу перестать надеяться... Если ты не хочешь, чтобы я уезжала, то... я могу еще раз все обдумать.

– Поезжай. Я не в силах тебя остановить, рано или поздно ты... – Она тихонько вздохнула, а мое сердце как будто разбилось на мелкие осколки.

– 6 ~

С Цзян Ли мы договорились встретиться в аэропорту, поэтому я приехала заранее. Через вращающиеся двери аэропорта входили и выходили пассажиры с чемоданами, стеклянные «лопасти» крутились и крутились.

Я сидела, наблюдая за входящими людьми, и вдруг почувствовала что-то странное в груди – сердце затрепетало. Это ощущение появилось после мысли о том, что кто-то со стороны, возможно, отстраненно наблюдает за круговоротом людей в нашем огромном мире, – они ежесекундно приходят на землю и уходят куда-то.

Чуть позже, заскучав, я достала записи отца.

Мы обнаружили храм Тумэня совершенно случайно. Фермеры во время полевых работ наткнулись на что-то твердое в земле и стали копать глубже, пока не увидели очертания каменной кладки, похожей на стену. Они не решились копать дальше, и к месту находки отправилась группа исследователей культуры муя, к которой присоединился и я. Результаты раскопок нас поразили. Под землей лежали руины древнего храма. Здание серьезно пострадало, сохранились лишь фрагменты стен. Росписи на стенах уцелели, *но изображения потускнели, как только на них попали солнечные лучи.*

Раскопки велись пять лет. Среди найденного наибольший интерес представляет деревянная шкатулка с изображением ворона с человеческой головой на крышке. Птица с человеческими лицом и руками, с ярким оперением, увенчанная короной, исполняющей желания. С распростертыми крыльями она выглядит как живая. Подобные изображения впервые обнаружены на каменных барельефах Северной Вэй ¹⁵, а также на дуньхуанских ¹⁶ фресках и бронзовых зеркалах эпохи Тан ¹⁷. Связаны ли они с этим храмом? Мы с Цю Цюнем осторожно открыли деревянную шкатулку, от которой исходил странный густой аромат. Она была пуста!

На дне шкатулки мы увидели другие изображения ярких полуптиц. Чем дольше они находились на свету, тем быстрее тускнели краски, пока вовсе не поблекли. Когда контуры крыльев, головы и шеи исчезли, оставшийся орнамент сложился в странный узор, похожий на зашифрованную надпись. Через мгновение эти причудливые линии исчезли, подобно тому, как водяной пар испаряется в песках пустыни...

Среди страниц рукописи я нашла две фотографии. На одной была запечатлена та самая шкатулка с полуптицей, в точности похожей на мою птицу-оберег. На другой – полуптицы со дна шкатулки. Тайнственной надписи там не было.

Разглядывая снимки, я испытала странное чувство, впала в оцепенение. В таком состоянии меня и застала подошедшая Цзян Ли. Она посмотрела на меня, прищурившись, и в свете солнца ее глаза казались светло-карими.

От аэропорта нам предстояло еще около трех часов ехать на машине. Чем ближе мы были к пляжу Тумэня, тем сильнее обострялись мои чувства: я слышала биение сердца Цзян Ли,

¹⁵ Империя Северная Вэй (кит. ##) – государство эпохи Северных и Южных династий в Китае в 386–534 гг. н. э.

¹⁶ Дуньхуан – город в провинции Ганьсу, КНР.

¹⁷ Династия Тан (кит. ##) – китайская империя (18 июня 618—4 июня 907 г. н. э.); период эпохи Тан считается расцветом средневекового Китая.

слышала стрекот насекомых вдоль дороги, дуновение ветерка в лесной чаще и слабый шелест листвы, слышала шуршание пылинок, похожее на шорох мелких жемчужин, падающих с нефритовой тарелки. А мои глаза как будто улавливали мерцание света, отражавшегося в облаках за сотни километров. Окружающий мир вдруг стал огромным, но пустым... Казалось, я вновь видела стародавнее поле битвы в лучах заката и окровавленного воина с пустым взглядом из моих снов.

На закате мы с Цзян Ли прибыли в Тумэнь. После ужина в отеле «Бамбуковый дом» мы решили прогуляться по пляжу, где горело несколько костров. К одному я подошла поближе. Дым от костра мешал нормально дышать, но я не придавала этому значения, потому что меня манил огонь. Открытое пламя обжигало и завораживало настолько, что хотелось оказаться внутри него.

– Эй, осторожно! – Цзян Ли оттащила меня в сторону.

Когда я пришла в себя, то увидела, что вокруг костров собралось много людей муя в белых одеяниях.

– Они вот-вот начнут молиться, пошли.

Цзян Ли взяла меня за руку и повела прочь от реки.

Муя стали лицом к северо-западу и, полные сосредоточенности и благоговения, начали делать поклоны. Глава муя, мужчина средних лет в темных одеждах, запел песню. Голос его звучал низко, а песня была полна холода и одиночества, как лунный свет, что отражался в реке.

– Они молятся о скорейшем возвращении снежного посланника. С Лицю¹⁸ до Байлу¹⁹ идет молитвенная служба, от заката до рассвета, – мягко пояснила Цзян Ли. Ее лицо светилось неземным светом. Запах водных растений ночью стал ярче, делая эту женщину еще более очаровательной.

– Снежный посланник? – Сердце шумно забилося, меня как будто пронзил холодный разряд молнии. В голове эхом звучал шепот из снов.

– Муя верят, что с его приходом они смогут вернуться домой, – сказала Цзян Ли.

Я сделала глубокий вдох.

– По легенде, Энигма – родина народа муя. – Она улыбнулась, задумчиво взглянув на меня, и продолжила: – Они ждут уже тысячу лет. Поколение за поколением, они ждут появления снежного посланника. – В ее глазах промелькнул туманный огонек, и я невольно вздрогнула.

Стоявшие у костров присоединились к пению мужчины в черном, их голоса эхом разносились по пляжу.

Мы стояли вдалеке, обдуваемые ночным бризом. Нежный, как орхидея среди горной долины, аромат духов Цзян Ли незаметно проникал мне в сердце, а пение муя затуманивало мой разум.

* * *

Словно сквозь сон я увидела, как костер на берегу вспыхнул, как живой, и в кроваво-красном пламени показалась величественная кавалерия. Я хотела подойти ближе, но не могла сделать ни шагу.

– Синяя птица, покинь это место! – тихо выдохнул воин в белом.

¹⁸ Лицю (*кит. ##*, букв.: «начало времени созревания культур») – период с 8–9 августа, начало осени по древнекитайскому сельскохозяйственному календарю.

¹⁹ Байлу (*кит. ##*, букв.: «белые росы») – период с 8–9 сентября, переход лета в осень по древнекитайскому сельскохозяйственному календарю.

* * *

– Лэй!

Это имя прозвучало в моей голове.

Я проснулась. Над ухом журчал ручей, перед глазами зеленел бамбук. Я долго не могла понять, где нахожусь, пока не вспомнила, что после молитвенного обряда муя мы вернулись в наш отель, располагавшийся недалеко от пляжа в бамбуковой роще с горячими источниками. Я на мгновение задумалась. Что за имя только что произнесла? Лэй... Кто такой Лэй?

– 7 ~

Мой разум охватило смятение. Что со мной происходит? Почему снова и снова повторяются эти необъяснимые сны и видения?

На часах было шесть утра.

Я пошла в ванную и повернула вентиль крана. Подставила руку под струю из горячего источника, и по всему телу от кончиков пальцев до самого сердца вдруг пробежала дрожь. Во мне будто смешались радость и печаль, и я потерялась в этом небывалом чувстве. Казалось, внутри меня есть другая «я», которая пробудилась от тепла живой воды. Это ощущение быстро прошло, и я в растерянности наблюдала, как вода постепенно наполняет ванну. Потом сняла белый махровый халат.

Вода заволновалась от моего вторжения, а амулет на шее вдруг стал источать знакомый прохладный аромат растений, он обволакивал меня.

Голова немного закружилась, и мое тело как будто заняла другая «я». За спиной словно бы выросли крылья, расправив которые я летела высоко, пока не попала в Долину Снегов. От вида горного пейзажа захватывало дух. На вершине горы в лучах ослепительного света сидел бог в длинных белых одеяниях и, погруженный в игру вэйци, сосредоточенно размышлял над ходом. На его спокойном лице отражалась глубокая печаль.

– Вы звали меня, мой господин? – Сложив крылья, я склонила перед ним голову.

– Синяя птица, ступай охраняй Энигму.

Я услышала, как со звонким стуком он переставил белый камень на доске.

– Хорошо.

Бог держал в руке черный камень и собирался положить его на доску, как вдруг он поднял голову и увидел, что я еще не исчезла. Строго посмотрев на меня, он произнес:

– Ступай.

– Слушаюсь.

Не осмеливаясь больше медлить, я улетела, расправив крылья.

* * *

– Ланьсинь! – из-за двери позвала Цзян Ли, а потом постучала. – Ты в порядке? Закрой воду!

Я вздрогнула и проснулась. Из крана лилась горячая вода, которая переливалась через край ванны, угрожая устроить «наводнение в Цзиньшань»²⁰. Вода просачивалась под дверь и вытекала наружу.

²⁰ Наводнение в Цзиньшань (кит. #####) – эпизод из китайской сказки «Легенда о Белой змее». Белая змея, превратившись в прекрасную женщину, полюбила ученого по имени Сюй Сянь. Но появился буддийский монах, который заявил, что союз духа и человека противоестественен. Он победил Белую змею и запер Сюй Сяня в монастыре Цзиньшань. Чтобы освободить

Я быстро закрыла кран и бросила на пол все полотенца, что были под рукой.

С трудом приведя ванну в порядок, я с Цзян Ли вышла из отеля. Мы направились к месту назначения – храму на пляже Тумэня.

Осенний пейзаж под высоким небом, затянутым облаками. Вдоль дорожки к пляжу среди дикой травы то тут, то там мелькали незнакомые алые цветы, покачиваясь на ветру.

Вдалеке показался храм в окружении растительности. Мы с Цзян Ли вошли в тускло освещенный зал, и я стала разглядывать фрески на стенах. Цвета на них настолько поблекли, что невозможно было ничего рассмотреть. Мне удалось различить на фреске изображение правителя с размытым лицом, в короне и длинной одежде, с вытянутыми вперед руками. Перед ним, преклонив колено, стоял кто-то, похожий на воина. Рядом с правителем угадывалась фигура женщины, также в белом одеянии и с амулетом на шее. Несмотря на то что краски практически выцвели, ее лицо было хорошо видно. Взглянув на нее, я глубоко вдохнула холодный храмовый воздух, и меня будто парализовало, я лишилась способности двигаться.

Наши с ней глаза так похожи!

– «Аромат Энигмы», – прочитала Цзян Ли надпись на фреске и, подняв взгляд на меня, продолжила: – Это Ланьжэ, принцесса легендарного царства муя.

Почувствовав головокружение, я закрыла глаза.

– Человек на коленях – это генерал Юань Хэ из царства муя. – Голос Цзян Ли, казалось, доносился издалека.

Я резко открыла глаза и посмотрела на генерала Юань Хэ. Свет в зале будто стал ярче, мое сердце забилось в панике.

* * *

Я видела восходящее солнце, освещавшее прекрасные земли, чарующий горный пейзаж и счастливо играющих детей.

Видела и красивое и решительное лицо в свете солнца. Улыбаясь, со спокойным и искренним взглядом он медленно вышел вперед и опустился на колени перед правителем, который надел ему на шею кулон в форме ослепительного золотого щита – символа главнокомандующего.

– Мой господин, я всегда буду верен вам и Энигме.

Позади правителя выстроилась величественная армия, воины склонили головы и, сотрясая землю и небо, в едином порыве взревели:

– Богом дарованная святая земля, страна изобилия!

Бог с нами и дает нам сил!

Под свою защиту он взял наш дом!

* * *

– Лэй... – Вспышка боли пронзила мой позвоночник, и на глаза навернулись слезы. Генерал Юань Хэ, изображенный на фреске, это именно тот генерал в белых доспехах, которого я бесчисленное количество раз видела в своих снах.

– Все в порядке? – спросила Цзян Ли.

Сделав несколько глубоких вдохов и ощутив, как сырой и холодный воздух обжигает горло, раздражая нервы, я пришла в себя.

– Жаль, что многих изображений не видно. Когда храм только-только раскопали, фрески сохраняли яркость, а люди на них были словно живые, – казалось, они дышали, готовые вот-вот сойти со стен. Но как только росписи увидели свет, краски тут же поблекли. Археологи нашли в храме шелковые ткани и свитки, но, как только все эти сокровища попали под лучи солнца, они обратились в прах.

– Шелковые свитки? – пробормотала я и словно наяву увидела этот прекрасный шелк, мирно хранящийся в темноте, где его ничто не тревожило. И представила, как палящий солнечный свет, ворвавшийся в раскрытый храм, превращает его в пыль.

Бросив на меня взгляд, Цзян Ли кивнула на фреску и сказала:

– А здесь рассказана легенда о генерале Юань Хэ. Правитель муя, император Дэ Сянь, словно зачарованный, безгранично доверял своему приемному сыну Юань Хэ и даже назначил его генералом. О, смотри, здесь дальше надпись на языке народа молан. Генерал Юань Хэ был воплощением демона, чьими речами восхищался правитель, что и стало причиной бед народа муя.

Тьма опустилась перед моими глазами, низкий голос Цзян Ли глубоко проникал в мое сердце.

– После смерти императора Дэсяня трон унаследовал принц Юань Гун. Генерал Юань Хэ разрушил дворец, захватил принца и убил его, а Энигму с помощью колдовства обратил в пустыню. Почти весь народ муя исчез с лица земли... – Цзян Ли прошла вперед, и я последовала за ней к следующей фреске.

– А здесь изображен генерал Юань Хэ, убитый народом молан. Они торжествуют...

– Нет, все было не... – Остальные слова застряли у меня в горле, я изо всех сил пыталась произнести хотя бы звук, но ничего, кроме сдавленного вздоха, у меня изо рта не вылетало.

– Возможно, и не так. – Цзян Ли поняла мою мысль. – Храм был возведен правителем народа молан – Моэ – и посвящен богине реки Тумэньцзян. Однако, по легенде, на самом деле он был построен в память о Ланьжэ, матери народа муя. Существовала ли Ланьжэ в реальности – тоже загадка. Согласно сказаниям она была принцессой племени муя, а позднее стала любимой наложницей правителя молан Тяньцзи. Никаких записей молан о наложнице Ланьжэ не сохранилось... То, что нам известно сейчас, вероятно, является той версией истории царства муя, которую народ молан хотел передать будущим поколениям. Вскоре после смерти Моэ храм был разрушен новым правителем.

Я не помнила, как вышла из храма. Небо было все еще яркое, но в моем сердце уже наступила темнота, и я не могла найти правильный путь.

– 8 ~

С наступлением ночи на пляже вновь запылали костры, наполняя воздух запахом дыма. Цзян Ли наблюдала за ними, прислонившись к оконному стеклу.

Я же, улегшись на кровать, с нетерпением открыла отцовские рукописи и продолжила читать.

До вторжения племени молан народ муя насчитывал около двух миллионов человек. Существует множество легенд об исчезновении народа муя. По наиболее распространенной версии, царство муя было погребено под песками пустыни в результате стихийного бедствия. Тем не менее появляется все больше и больше свидетельств, указывающих на то, что в действительности народ муя погиб от рук молан. Муя яростно боролись со вторгшимся на их земли народом, за что те им жестоко отомстили. Не успевшие сбежать люди муя, чтобы не быть убитыми, сжигали книги и прятали рукописи, под вымышленными именами скитались по чужим землям. Культура этого народа со временем ушла в забвение и стала очередной загадкой в истории человечества. Остались ли представители этого народа? Где они? Ассимилировались ли они с другими народами? Или исчезли полностью? Раскопки древнего храма взволновали многих, кто интересовался судьбой муя. На берегах Тумэньцзян еще встречаются люди, которые утверждают, что являются потомками этнической группы муя. Хотя они и пишут по-китайски, имеют те же обычаи и привычки, что и ханьцы ²¹, но они сохранили особые обычаи, как, например, захоронение в воде, когда ступни умершего обращены на северо-запад – в сторону легендарной земли бога Энигмы. У них также есть длинная песня, передающаяся устно, слова которой держат в тайне от посторонних. Сохранился обычай исполнять молитвенные песнопения, принося жертвы осенью, хотя лишь немногие знают, о чем именно эти песни. Муя были детьми природы и знали толк в приготовлении снадобий. Растения, земля, огонь и вода являлись для них источниками духовной силы. Муя никогда не переставали искать Энигму, свою родину.

Я закрыла рукопись. Цзян Ли все еще стояла у окна, смотря на маленький костер.

– Тебе не хочется спать?

– Пока нет, я погляжу еще немного.

– А я, наверное, сейчас засну.

– Спокойной ночи и приятных снов.

Ночью мне снилась женщина в белом.

«Ты пришла...» – услышала я мягкий шепот.

Она вышла из облаков и тумана и тихо сказала: «Внимай словам бога Энигмы: когда свет и аромат Энигмы воссоединятся, посланник Долины Снегов пройдет по гиблой земле и обретет в поднебесном мире величайшую славу».

«Запомнила?» – спросила женщина.

«Запомнила!»

Я подняла глаза и наблюдала, как она медленно приближается ко мне... Вместе с ароматом орхидей из долин я вдыхала холодный воздух и ощущала легкость внутри. Ее стопы, белая одежда, шея и лицо постепенно проступали в тумане. Я трепетала от волнения.

У нее, у женщины на фреске и у меня – у нас трех были совершенно одинаковые лица.

Она нежно смотрела на меня проникновенными глазами.

«Синяя птица, верни меня домой».

²¹ Ханьцы – этническая группа сино-тибетской языковой семьи; в узком этническом смысле – китайцы.

Тут раздалось протяжное пение птиц, и ее фигура неожиданно растворилась в тумане. Исчезла без следа.

Я проснулась. Синяя птица?

* * *

Цзян Ли все так же стояла у окна. Солнце уже встало, на берегу догорали костры осеннего праздника муя.

– Ты смотрела на них всю ночь?

– Да. – Цзян Ли повернулась, у нее было усталое лицо.

– Я плохо спала. Мне приснилась женщина с фрески, она назвала меня Синей птицей...

Странный сон.

Цзян Ли подошла ко мне и взяла мой оберег.

– Знаешь легенду о Синей птице?

Я опустила глаза на оберег и покачала головой:

– Не знаю. Этот кулон дал мне отец. Ношу не снимая. С ним я чувствую себя спокойно.

– Люди муя поклоняются богу Энигме. Синяя птица – это священная птица Энигмы.

Полуптица-получеловек, что появляется раз в тысячу лет.

– Вот как?

– Перед смертью ей нужно войти в огонь и в пепле обратиться в сати ²², ожидая возможности перерождения.

– А, странная история.

Цзян Ли взглянула на меня и спросила:

– Ты думаешь, это всего лишь история?

– Ну да, а что же еще?

– Народ муя так не считает.

Я улыбнулась.

– Когда сати перерождается, она получает возможность вернуть душу из царства мертвых, и эта душа обладает таинственной силой, ей не страшны ни смерть, ни кровь.

Было не до смеха. Слова Цзян Ли проникли мне прямо в сердце и крепко засели у меня в сознании.

– Сати – это... что это?

– Покоящаяся в Синей птице невидимая душа. Восстав из пепла, сати всегда нуждается в проводнике.

Цзян Ли замолчала на мгновение, бросив взгляд на кострища вдалеке. Муя уже разошлись, ярко светило солнце.

– Ланьсинь, ты пришла сюда не просто так. – Цзян Ли развернулась и посмотрела прямо на меня.

Исходящий от нее запах водных растений был едва уловим, но у меня все равно закружилась и затуманилась голова.

²² Здесь: сати – богиня, прошедшая через жертвенный огонь. В индуизме сати – похоронная ритуальная традиция, в соответствии с которой вдова подлежит сожжению вместе со своим покойным супругом на специально сооруженном погребальном костре. Название происходит от имени богини Сати из индуистской мифологии, которая принесла себя в жертву, не в силах снести унижения, которым ее отец подверг ее избранника, бога Шиву.

* * *

Сквозь морок мне казалось, будто я нахожусь в белоснежном дворце, наполненном тонким ароматом посконника ²³. В центре зала величественно восседала женщина в белом.

– Принцесса Ланьжэ, не уходите! – умоляла служанка в зеленой одежде, стоя на коленях рядом с женщиной.

– Нет, я должна, люди молан перекрыли источник питьевой воды, осаждают город третий месяц. Голодают и жители, и солдаты. Я слышала их крики. Если ситуацию не изменить, жертв будет только больше... Отец, дай ответ правителю молан: я пойду к ним только в обмен на безопасность всего народа...

– Ланьжэ... – отозвался старик грустным голосом. – Я подвел тебя.

– Ваше величество, нет! Не выдавайте ее замуж за правителя молан... – Глаза служанки наполнились слезами. – Давайте подождем еще немного... Генерал Юань Хэ скоро вернется...

– Слишком поздно. Цзян Хэчжэ, поднимайся, принеси мне корону... – Мне слышался голос тихий и далекий, но очень знакомый.

– Нет...

– Принцесса, может, вы еще подумаете? – спросил из угла молчавший все это время бородатый мужчина.

– Не нужно, генерал Му Хай. Передайте вашему правителю, что я скоро отправлюсь в его стан.

– Принцесса Ланьжэ! – Служанка плакала, опустив голову.

– Цзян Хэчжэ, делай что велено!

* * *

– Цзян Ли? Цзян Ли! Кто же ты все-таки?

– Ты у меня спрашиваешь? – Она протяжно зевнула. – Я сама не знаю толком... С самого детства я грезил Энигмой... Я страдала, мучалась, но она непрестанно влекла меня к себе. Позднее я познакомилась с господином Сюэ и встретила людей муя.

– Расскажи мне все-все, что знаешь. – Я замерла от волнения.

Мы с Цзян Ли дошли до деревянной хижины у пляжа. Дверь была открыта, будто кто-то нас ждал.

– Ты и я, мы чем-то похожи. Мы принадлежим к царству муя, в нашей крови течет память тысячи лет истории... Мы потомки спасшихся от смерти муя.

Цзян Ли толкнула дверь, в темной хижине находились четыре или пять человек в белых одеждах и мужчина в черном, который проводил обряд на пляже. В углу стоял человек в маске и пристально смотрел на меня.

Я растерялась под его взглядом.

Его глаза! Так похожи на глаза того, кто мне очень знаком и по кому я скучаю. Только взгляд у этого человека холодный и колючий, без привычных любви и тепла.

Я отвернулась.

– Вот ты и пришла. – Ко мне подошел мужчина в черном. Он был смуглый, с красивыми глазами и вовсе не походил на урожденного ханьца.

– Это старейшина народа муя, – мягким голосом представила Цзян Ли.

²³ Посконник – род многолетних растений семейства астровые.

Мужчина некоторое время рассматривал меня, взгляд его был отрешенным, но глубоким. Мое сердце часто забилося от волнения.

– 9 ~

– Взгляни-ка на это.

Старейшина в черных одеждах открыл позолоченную серебряную шкатулку и осторожно достал из нее фотографию. От неожиданности я даже ахнула. Эта фотография и те две, что я видела в рукописях отца, были сделаны одним и тем же человеком. На снимке было несколько размытых узоров. Я их уже где-то видела! Может, во сне? Там, где таинственная благородная дама учила меня различать иероглифы. Неужели это и есть те самые письма?

– Восемнадцать лет назад Сюэ Сюй нашел деревянную шкатулку в потайной комнате храма на берегу Тумэньцзян. На дне той шкатулки была вязь таинственных символов. Читай, ты поймешь их. – В его взгляде, казалось, таилась некая сила, вынуждающая меня подчиниться.

Я подняла голову, и слова женщины из сна вырвались из моих уст. Это было сродни просветлению:

– Внимай словам бога Энигмы: когда свет и аромат Энигмы воссоединятся, посланник из Долины Снегов пройдет по гиблой земле и обретет в поднебесном мире величайшую славу.

Я изумленно взглянула на него.

Тот многозначительно посмотрел на меня и медленно произнес:

– Эти письма – оракул Энигмы, который муя так долго искали. Оракул может прочесть только тот, кого выбрал бог Энигмы. Наш народ ждал тысячу лет, чтобы вернуться на священную землю. Согласно оракулу возрождение народа муя начнется с приходом на берег Тумэньцзян посланника из Долины Снегов, в чьих жилах течет кровь принцессы Ланьжэ. – Пронзительный, темный взгляд старейшины был направлен прямо на меня.

– Снежный посланник?

– Да, и это ты. – Голос Цзян Ли слышался в отдалении, мое сознание вновь было словно в тумане. – На оракуле указано твое имя.

– Мое? Как это вообще возможно? – удивилась я.

– Иероглифы «Сюэ» и «снег» ²⁴ звучат одинаково, аллюзия на «пришедшая из Долины Снегов»; два иероглифа, составляющих твое имя, – «Лань» и «синь» ²⁵ – содержат в себе значения «храм» и «аромат», что отсылает нас к «принцессе Ланьжэ». – Цзян Ли приблизилась ко мне и продолжила: – Ты снежный посланник Энигмы, потомок принцессы.

– Я потомок принцессы?

– Да. Ты явилась сюда по зову бога Энигмы. Все мы пришли из разных уголков Китая, повинувшись зову. Синяя птица восстанет из огня и вернет Ланьжэ из царства мертвых. Царство народа муя возродится и обретет небывалое могущество.

Старейшина в черном жестом указал Цзян Ли на деревянную миску с ярко-красным соком, источавшим слабый, но диковинный аромат.

– Выпей, выпей это, и почувствуешь счастье, и не будет никакой боли... – произнесла Цзян Ли дрожащими губами и подняла на меня взгляд.

Закрыв глаза, я сделала глоток. Аромат ярко-красного напитка пьянил меня, я ощутила эйфорию и спокойствие, которых до сих пор никогда не испытывала, – на мое место будто пришла другая «я» и в легком опьянении наблюдала за происходящим.

²⁴ Игра слов на китайском языке: иероглифы # и # омофоны.

²⁵ ## «Ланьсинь» дословно переводится как «аромат водных лилий», первый иероглиф # «лань» содержится в слове ## «Ланьжэ», а иероглиф # «синь» имеет то же значение, что и ## «фэньфан» – аромат.

В этот момент я вдруг услышала строгое предостережение: «Беги отсюда. Сними с себя полуптицу и беги!» Голос не допускал неповиновения.

Сердце застучало в бешеном ритме, и я невольно коснулась амулета-полуптицы, который никогда не снимала с тех пор, как получила его в подарок от отца. Я попыталась снять оберег, но в этот момент в груди что-то екнуло. Меня прошиб пот, вдруг навалилась жуткая усталость. Амулет словно бы стал неотделимой частью меня.

Взгляд человека в белой маске вонзался в меня, как кинжал.

«Успокойся, *успокойся*».

Мужчина в белом молчал, но его мысли, казалось, проникали в мое сознание. Я поняла, что не могу двигаться.

«Уходи! Сними полуптицу!»

Низкий голос старейшины был настойчив, он заглушал слова мужчины в белом, что звучали у меня в голове. Я хотела было обернуться и найти его глазами, но по-прежнему не могла сделать ни шагу.

– Цзян Ли, Цзян Ли... – Я смотрела на нее, но она, опустив голову, избегала моего взгляда.

Старейшина в черном не спеша приблизился ко мне.

– Пойдем, пойдем со мной... – Его низкий голос лишил меня воли, я почувствовала легкое головокружение, сознание постепенно теряло ясность.

Небывалые легкость и умиротворение охватили меня, все горести и невзгоды остались позади, я не испытывала ничего, кроме радостного спокойствия. На берегу реки Тумэньцзян ярко горели костры, и все это казалось сном.

– 10 ~

Я сплю? Все происходящее сон или нет? – вот чего я никак не могла понять.

В сумерках женщины муя искупали меня и переодели в легкое белое платье. На берегу зажгли девять костров, которые отражались красными пятнами в речной воде. Костры окружали высокий помост из гальки, возле которого стояли старейшина в черном и люди в масках, облаченные в белое. Под звуки молитвы я поднялась на помост.

Звучали песнопения муя, вокруг полыхали костры. Я уставилась на огонь, его жар обжигал кожу, но я не чувствовала боли, только закашлялась, надышавшись дыма. Словно наяву, я увидела мелькнувшего в пламени генерала в белом одеянии. Его лицо было решительным, но глаза выражали боль и печаль. Воин пристально смотрел на меня, постепенно приближаясь.

«Сними полуптицу и уходи!» – повторял генерал одно и то же предостережение. Под его взглядом я, не понимая, что делаю, сорвала с шеи оберег и бросила его высоко в небо. Огонь костра взвился ввысь, но бушующее пламя отступило, как будто повинувшись невидимой силе.

Видение генерала в огне исчезло, а костер выплюнул в небо яркие всполохи, словно стараясь достать оберег, но тут же стих.

В тот момент, когда я сорвала оберег и полуптица покинула меня, сердце, казалось, разрезали острым ножом, и боль вернула меня в действительность. Амулет упал рядом с мужчиной в маске. Тот нагнулся поднять его, и маска соскользнула с его лица.

Я застыла, на глаза навернулись слезы. Даже спустя столько лет я все еще помню его? Неужели это сон?

– Отец! Отец! – закричала я изо всех сил.

Глаза отца были темными, как глубокие воды, спокойные и решительные. Эти глаза!

Он не посмотрел на меня, отвернулся и пошел прочь. Обжигающее тепло разлилось по всему телу, боль в сердце усиливалась, и я упала без чувств.

– 11 ~

Открыв глаза, я увидела, что нахожусь в простом деревянном доме, шторы были раздернуты, а за окном светало. Попытавшись встать, я почувствовала головокружение и рухнула обратно на постель.

Сидя на полу, прислонившись к кровати, спала Цзян Ли. Я лежала и смотрела, как розовым цветом окрашивает ее лицо утренний свет, как он медленно двигается по ее телу. Откинувшись на подушку, я вытянула руку и, закрыв глаза, ждала, пока лучи коснутся моей ладони... Я снова погружалась в сон.

Яркий свет во сне всколыхнул воспоминания. Я снова видела, как отец уходит не оборачиваясь. «Отец... Отец...» – шептала я, а по моему лицу текли слезы. Я понимала, что сплю, но не могла перестать плакать.

Когда я проснулась, комнату заливал солнечный свет, небо за окном стало ярким.

– Эй, все в порядке. Все хорошо, не бойся, – устало глядя на меня, сказала Цзян Ли.

– Вы... Вы собирались меня сжечь! – холодно упрекнула я. В моих глазах не было ни намека на слезы.

– Нет-нет, ты бы не умерла. Мы лишь хотели помочь тебе переродиться в огне. У нас нет другого выхода, – склонив голову, сдавленно пробормотала она. – Я боялась, что если ты узнаешь правду, то отступишь в страхе. Вот почему...

– Продолжай! Продолжай же!

Цзян Ли, немного помявшись, тихо продолжила:

– Я уже говорила тебе, что сати, выходя из пепла, нуждается в проводнике...

– И он нашел меня. – Я была очень спокойна.

– Верно... Сати, перерождаясь, освобождается от человеческого обличья. Поэтому как Ланьсинь ты должна исчезнуть в огне.

– Заставляя меня исчезнуть, вы возрождаете сати. Вы напоили меня чем-то, что позволило делать со мной что вам было угодно. – В душе у меня все перевернулось, я чуть ли не задыхалась от грусти и смятения. – Потом вывели меня на тот помост... Это ведь его идея, правильно? Я видела своего отца, он был там.

– Это больше не твой отец. Сейчас он Белый старейшина муя, их духовный лидер. Восемнадцать лет назад Сюэ Сюй обнаружил свитки народа муя и сильно ими заинтересовался. Результаты исследований его потрясли. Он выяснил, что род муя не прервался, и члены семьи Сюэ являются прямыми потомками принцессы Ланьжэ из царства муя Великой равнины ²⁶. Позднее он обнаружил оракул. Твой отец должен был оставить вас с матерью. Он не пропал в пустыне Энигмы, его исчезновение – лишь способ покончить с прежней жизнью, оборвать старые связи. Сюэ Сюй связан не только с вами, но и с муя, и с Энигмой. У него есть более важная миссия, народ муя нуждается в нем как в духовном лидере.

Дверь со скрипом распахнулась.

– Ланьсинь, ты здесь. Я знал, что ты придешь. Это твоя судьба, и ее не избежать.

– Отец, отец! – В рыданиях я бросилась к нему, обняла его, не собираясь отпускать. Его тело было будто застывшим и таким холодным, я не чувствовала прежнего тепла.

Вздыхнув, он мягко, но решительно отвел от себя мои руки.

– Не надо, отец! – Я продолжала тянуться к нему.

Он вздрогнул.

– Присядь, Ланьсинь, хочу рассказать тебе одну историю. Послушаешь?

– Хорошо.

²⁶ Имеется в виду Чжунъюань – историческая область, часть Великой Китайской равнины.

– Сначала отпусти меня.

– Ладно.

Я опустила руки, и он, наклонившись, заглянул мне в глаза:

– Ланьсинь, сначала позволь сказать тебе правду. Я жалею, что не передал тебе послание Синей птицы. Это было нечестно по отношению к тебе...

И он надел на меня оберег с полуптицей.

– Впредь не снимай его. В нем аромат, что позволит Синей птице возродиться. Свет, что приведет принцессу Ланьжэ домой. Ты, оберег и Ланьжэ неотделимы друг от друга.

Взгляд отца, казалось, проникал в самую глубь моей души. Все, что было передо мной, под его взором исчезало и таяло...

– Синяя птица, просыпайся.

Отец дотронулся до оберега на мой груди. Обжигающее тепло его рук передалось амулету, и тот как будто ожил, плотно прижавшись к моей коже, растворяясь в ней. Он набирался силы от моего сердцебиения, согреваясь и дрожа...

Глава вторая

Муя

– 1 ~

Кто я?

Кто звал меня?

Я человек? Птица? Божество?

Я Ланьсинь или Ланьжэ?

И да, и нет.

Сейчас я птица с головой человека. Да, божественная птица с крыльями и человеческим лицом.

Я не знаю, откуда я и где мой дом. Последнее, что я помню – это бесконечное падение.

Меня разбудил Лэй, сын Священной горы. Он был первым божеством, которого я встретила. И я стала его первым другом в этих краях. Он зовет меня Синей птицей, говорит, что на свете нет ничего прекраснее моего пения. Только вот я собственного пения не слышу.

Я не различаю ни музыкальных интервалов, ни тонов, ни мелодию. Для меня все звучит монотонно, подобно завыванию ветра. Должно быть, богу Энигме не по нраву музыка, потому что, услышав однажды мое пение, он больше не позволял мелодиям песен звучать на Священной горе.

Он мой господин, и я повинуюсь его воле. Он сообщил мне, что я рождена, чтобы умереть. Я живу и умираю без чувств и желаний и спустя тысячу лет возрождаюсь из огня. Моя жизнь не имеет ни начала, ни конца, а что до времени, то оно для меня не имеет никакого значения.

– Для народа муя ты чрезвычайно важна, – сказал он и повелел: – Ступай защищай земли Энигмы и рассказывай мне обо всем, что там происходит.

С тех пор я охраняю страну народа муя.

Небо там голубое, вода прозрачная, клубятся облака и стелется туман, возвышается горная гряда, а воздух наполнен ароматами мяты и кувшинок. Там течет река Юань Хэ, берущая свое начало в Долине Снегов Священной горы. А на ее берегу стоит величественный бело-снежный императорский дворец.

После того как я покинула Священную гору, Лэй отправился в земли Энигмы, сказав, что на горе очень одиноко и он хочет посмотреть на мир людей.

– Лэй, ты не принадлежишь тому миру, вернись! Без разрешения Энигмы нельзя покидать гору, ослушавшихся ждет наказание, – предупредила я.

– Нет, не вернусь! Хочу спуститься.

Я нахмурилась, подумав о наказании, которое будет грозить Лэю.

– Поступай как знаешь, но не забудь, что ты обязан соблюдать правила взаимоотношений бога и человека.

– Помню.

– Ты полубог и не можешь использовать божественную силу для решения людских проблем. Ясно?

– Ясно.

– Если ты все же вмешаешься, то это может привести к бедам в мире людей. И ты перестанешь быть божеством.

– Понял.

– Ты пробудешь в теле человека сто лет и только по истечении этого срока сможешь вернуться.

– Хорошо.

Я наблюдала, как Лэй превратился в младенца, крепко спящего в цветочной корзине, что плыла вниз по течению реки Юань Хэ.

К реке подошла знатная дама с кроваво-красным родимым пятном на руке, увидела Лэя в корзинке и приказала служанкам выловить его. Служанки принесли ребенка даме, которая была второй наложницей правителя царства муя – госпожой Сяо.

* * *

– Ваше величество, этот ребенок послан нам богами. Дайте ему имя.

– Его нашли в реке Юань Хэ, поэтому пусть носит имя Юань Хэ, – молвил Дэсянь, правитель муя.

– Да будет так.

Лэй, хмуря бровки, стал размахивать розовыми ручками и несколько раз вскрикнул в знак протеста.

– Лэй, смирись, теперь ты человек и тебе нужно человеческое имя, – смеясь, сказала я ему, выглядывая из-за балки на потолке, откуда все это время наблюдала за происходящим.

Он послушался и принял новое имя. Отныне он приемный сын императора и будет расти в землях бога Энигмы. Вскоре после того, как усыновили Лэя, госпожа Сяо забеременела, и через год родилась Ланьжэ. Когда девочка появилась на свет, ее тело источало странный аромат и во всех уголках Энигмы люди почувствовали тонкий запах посконника.

– Эта принцесса принесла в Энигму благоухание.

С того момента Ланьжэ получила прозвище Аромат Энигмы.

– 2 ~

Госпожа Сяо, вторая наложница императора, была родом из Великой равнины. В те времена все письменные произведения из западных регионов попадали в земли ханьцев через Энигму. Наложница предложила народу муя создать свою письменность и собрать библиотеку из книг на муйском языке.

– Слова хранят духовную энергию народа. Через письменность и книги дух муя может быть передан человечеству, даже если племя муя погибнет, – говорила она.

Правитель Дэсянь поддержал ее предложение.

Письменность муя была похожа на китайские иероглифы, но отличалась своеобразием. Звучание языка основывалось на пяти тонах и семидесяти двух звуковых ритмах. Разрабатывая письменность, госпожа Сяо много времени посвятила изучению древних звуковых ритмов. Император учредил совет, отвечающий за перевод большого числа значимых произведений на язык муя, и собрал ученых для создания книг по истории своего народа – так возник много томный «Канон муя».

Госпожа Сяо часто рассказывала правителю о том, что в древности император Яо приказал придворному музыканту сочинить мелодию «Дачжан», чтобы облагораживать простой народ. «Дачжан» утеряна тысячу лет назад, но если монарх последует примеру императора Яо, справедливо управлявшего государством, соблюдавшего церемонии и почитавшего музыку, то народу муя будут дарованы благословение и благоденствие. Дэсянь прислушался к словам наложницы, и его государство процветало.

Я часто наблюдала, как Юань Хэ и Ланьжэ занимаются чтением и письмом. Тексты муя побуждали меня к размышлению. Язык, наполненный красивыми ритмами, словно был ключом к моей запечатанной памяти. Я трепетала.

Казалось, я постепенно обретала некую божественную силу: мир вокруг меня больше не был хаотичным, в поведении смертных можно было увидеть воплощение предначертанных небесами судеб.

Мудростью госпожа Сяо превосходила простых людей.

* * *

Долина Снегов Священной горы, мой господин позвал меня.

– Божественная стражница Энигмы, поведай мне обо всем, что происходит в царстве муя. – Хозяин Священной горы посмотрел на расчерченную доску и нахмурился.

– Наложница правителя изобрела письменность, церемонии соблюдаются, государство благоденствует, и народ наслаждается спокойной жизнью.

– Ступай и напomini ей, что тайны не должны быть раскрыты. – Горный бог смотрел на меня с бесконечной грустью в глазах. Он взял один из игральнyх камней и раскрошил его в пыль, которая осыпалась на доску.

Я не на шутку встревожилась.

* * *

– Госпожа Сяо, вы отличаетесь от простых людей. – Я появилась перед ней с предупреждением. – Не раскрывайте секреты Небес, нельзя использовать божественную силу для вмешательства в дела людей.

Она выслушала меня, затем подняла глаза к Небу и со спокойной улыбкой спросила:

– Горный бог Энигма, скажи, является ли небесной тайной то, что в земном мире есть люди, которые смеют ослушаться воли богов?

Мое сердце сжалось.

– 3 ~

Книга «Небесная музыка» из «Канона муя» была написана самой госпожой Сяо. На сей труд ушло десять лет, но, прежде чем наложница смогла его закончить, она внезапно заболела.

Плохие предчувствия меня не обманули. Я стояла у ее постели, когда госпожа Сяо, нахмутив брови, положила передо мной «Небесную музыку» – шелковый свиток, исписанный золотыми письменами.

– Синяя птица, выучи это.

Я всхлипнула. Золотое письмо ярко сияло в свете свечей. Все иероглифы языка муя были мне знакомы, но когда я пыталась прочитать текст, то не могла ничего понять. Поэтому просто заучила его наизусть.

В следующую нашу встречу, вздохнув, госпожа Сяо сказала:

– Синяя птица, твой разум почти открыт...

И день и ночь она лежала в постели, дописывая «Небесную музыку», изо всех сил стараясь успеть закончить труд, так как предчувствовала скорый конец. Незадолго до смерти госпожа Сяо оставила послание правителю муя:

– Язык муя хранит в себе тайны Небес. Они раскрыты, и мне не удалось избежать смерти. Государству грозит беда. Молю, ваше величество, исполните мое желание: похороните меня вдали от Энигмы и сложите в моей усыпальнице тысячи томов «Канона муя».

Замолчав, она подняла глаза на невидимую меня и с трудом произнесла:

– «Небесная музыка»...

Прежде чем госпожа Сяо успела договорить, ее не стало. Аромат исчез, яшма потускнела²⁷.

Правитель повиновался. Один за другим тысячи манускриптов «Канона муя» были похоронены вместе с наложницей.

Предсказание госпожи Сяо вскоре сбылось: кровожадный и жестокий Тянь Цзи, правитель северного народа молан, вознамерился завоевать земли муя и развязал войну меньше чем через два года после того, как взошел на престол.

– 4 ~

Генерал Юань Хэ из царства муя отправился на войну. Облаченный в доспехи, Лэй вдохновлял воинов. Он сказал мне:

– Синяя птица, я должен лично схватить правителя молан Тянь Цзи.

²⁷ Аромат исчез, яшма потускнела (*кит. #####*) – образное китайское выражение, используемое в классических художественных произведениях для описания смерти девушки.

Ах, я чуть не забыла, что Лэй – это Юань Хэ, приемный сын правителя муя, наихрабрейший воин во всем царстве. Он же забыл о том, что находится среди людей, а в человеческом мире девять из десяти вещей обычно идут не так, как надо. Я улыбнулась, наблюдая за смертными сквозь облака, вновь увидела картины грядущих событий, однако не могла предугадать исход войны.

Мне оставалось только напомнить ему:

– Лэй, у принцессы Ланьжэ скоро произойдет радостное событие. Не бросай ее одну.

– Разве? – засмеялся он. – Тогда я не могу уйти.

Ланьжэ очень красива. Глаза у нее чистые и ясные, а ее нежная и добрая улыбка может растопить лед на вершине гор. Я горячо надеялась, что столь прекрасная девушка как можно дольше не встретит на своем пути зла и жестокости, коварства и горя.

– Юань Хэ, быстрее иди сюда. Отец тебя искал. Что ты там делаешь на потолке? – Ланьжэ в белоснежном наряде подошла поближе и в недоумении посмотрела на потолочные балки. Я захихикала. Она меня не видела, никто из них меня не видел. Смертные, разве вы можете увидеть меня? Я подмигнула Лэю, но он не заметил. Как только пришла Ланьжэ, он видел только ее. Ох уж этот юноша!

Тогда же правитель народа муя Дэсянь назначил Лэя командующим войсками, что вдохновило воинов на битву.

– Мой господин, я всегда буду верен тебе и Энигме, – сказал Юань Хэ правителю Дэсяню, с любовью смотря в этот момент на принцессу Ланьжэ.

Позади Лэя выстроилась величественная армия, воины склонили головы и, сотрясая землю и небо, в едином порыве взревели:

– Богом дарованная святая земля, страна изобилия!

Бог с нами и дает нам сил!

Под свою защиту он взял наш дом.

Не желая более это слушать, я взмахнула крыльями и взмыла вверх.

Смогут ли эти храбрые люди вернуться живыми с войны?

– 5 ~

– Я должен идти, – грустно проговорил Лэй.

– Да, должен, – всхлипнула я, понимая, что он должен сражаться. – Эта битва будет крайне ожесточенной. Помни, Лэй, ты можешь сражаться только как генерал Юань Хэ, не используй божественную силу! – в очередной раз предостерегла его я.

– Да-да, помню. – Лэй опустил голову, поглощенный собственными мыслями. Хрустнув пальцами, он вдруг поднял на меня взгляд: – Я не боюсь смерти, и я не умру. Я не хочу покидать Ланьжэ. Ты уверена, что с ней ничего не случится? Почему-то на душе очень беспокойно.

– С ней будет все хорошо, – заверила я.

– Синяя птица, она мне нравится. – Лэй смущенно улыбнулся.

– В каком смысле «нравится»?

– А, совсем забыл, ты же Синяя птица. Твое сердце заковано во льдах Священной горы, оно не способно испытывать чувства. – Он рассмеялся.

Я фыркнула. Всегда так делаю, когда чего-то не понимаю.

– Ну хорошо. Раз она тебе нравится, почему же ты ей не сказал об этом? Сейчас же иди и скажи.

– Не... не могу.

Я снова фыркнула.

Лэй заперся в своих покоях на весь день.

Когда же вышел, то был бледен, в руках держал амулет с полуптицей. Глядя на его обескровленное лицо, я поняла, что Лэй потратил большую часть своей божественной силы на вырезание этого оберега. С ним Ланьжэ будет в десятки раз защищеннее, чем обычный человек, но, с другой стороны, если с ней что-то случится, то боль, которую она испытает, прежде чем умрет, будет в десятки раз сильнее.

– Лэй, ты потерял много сил, и они не восстановятся, – напомнила я.

– Я сам так захотел. Она не просто человек, она моя Ланьжэ, – слабо отозвался Лэй.

– Так поступив, ты едва ли ей поможешь. – Я многозначительно посмотрела на него. Неуверенными шагами он пошел прочь, унося с собой амулет для Ланьжэ.

* * *

– Я пойду, береги себя. – Лэй с тоской взглянул на Ланьжэ и, не решаясь что-то добавить, покинул ее покои.

– Юань Хэ, ты тоже будь осторожнее... – Она догнала Лэя и, протянув руки, нежно обняла его со спины и заплакала, уткнувшись в его широкую и теплую спину.

– Обязательно.

Ланьжэ подняла полные слез глаза, в последний раз взглянула на него и, закрыв руками заплаканное лицо, убежала.

– Скажи ей, Лэй, догони и признайся ей! – Невидимая, я стояла рядом, похлопывая крыльями.

Стиснув зубы, Лэй сжал кулаки и, повернувшись, долго смотрел вслед принцессе.

– Признаюсь, когда вернусь с победой, – сказал он мне.

Вздохнув, я взмахнула крыльями и взлетела в небо.

* * *

Тридцать тысяч воинов под предводительством Лэя отважно сражались с сотней тысяч воинов молан. Бои были кровавыми. Столица царства муя, город Энигма, также оказалась под ударом. Правитель молан лично возглавлял войска. Шли проливные дожди, вода в реке сильно поднялась. Люди молан построили дамбу для отвода реки чтобы затопить город. В Энигме повсюду стояла вода, беда подобралась совсем близко. Еще месяц, и городская стена рухнула бы под натиском реки.

Тянь Цзи послал генерала Му Хая, урожденного муя, передать сообщение правителю муя.

– Государь долгое время восхищается принцессой Ланьжэ. Он готов отвести войска, если правитель муя сложит оружие и отдаст ему Ланьжэ в качестве второй наложницы.

– Что за глупости! Принцесса великого царства муя – и в качестве второй наложницы? Это переходит всякие границы! – Император был в ярости.

Крики горожан пронзали сердце Ланьжэ, словно иглы. Она потупила взгляд в раздумьях и приняла решение.

Надушившись, надев яркий наряд и золотую корону, принцесса Ланьжэ медленно вышла за ворота в сопровождении бородатого генерала Му Хая. Покидая территорию дворца, она вдруг остановилась и долго всматривалась в бескрайние желтые пески.

– Принцесса, прошу вас... – Му Хай жестом пригласил Ланьжэ сесть в повозку.

Она растерянно обернулась. Ее отец, Дэсянь, стоял, закрыв лицо руками. Младший брат принцессы бросился обнимать ее за ноги, не желая отпустить.

Служанки опустили на колени и плакали.

Ланьжэ резко отвернулась, накинула на лицо белоснежную вуаль и села в повозку.

– 6 ~

Лэй вернулся. От тридцатитысячной армии едва ли осталась десятая часть, но войска молан были почти полностью разгромлены. Когда Лэй объявил о победе, ему сообщили, что Ланьжэ стала второй наложницей правителя Тянь Цзи, а царство муя теперь – вассал молан.

В Энигме все было по-прежнему, но люди изменились.

– Я не справился. Я не смог защитить народ муя и, более того, я не смог уберечь Ланьжэ...

– Лэй, на все воля богов. Ты здесь бессилен, – проговорила я.

Его лицо потемнело.

– Лэй, не убивайся так...

При взгляде на него даже каменные статуи заплакали бы. Я не понимала, что именно его так расстроило. Синяя птица из Долины Снегов, чье сердце сковано льдом, не знает боли.

Лэй вдруг вынул кинжал и вонзил его себе в сердце. Белоснежные доспехи покраснели от проступившей крови, но в одно мгновение рана затянулась. Он вновь воткнул кинжал себе в грудь. На этот раз рана была глубже, я увидела его сердце. Рана затянулась, и тело Лэя снова было целым и невредимым.

– Лэй, успокойся! Ты божество и не можешь умереть! Ты должен пребывать в теле человека сто лет.

Он издал горестный стон и поднял глаза к небу.

Дэсянь от переживаний вскоре умер. На престол взошел Юань Гун, сводный младший брат Юань Хэ, характером слабый и безвольный. Он поверил гнусной клевете на приближенных, отстранил добродетельных людей от власти и назначил на важные посты негодяев. Страна оказалась на грани краха.

Помня об обещании государю Дэсяню, генерал Юань Хэ искренне помогал Юань Гуну, но тот из зависти к храбрости и талантам Лэя отдалил его от себя.

Принцесса Ланьжэ жила в царстве молан, пользуясь благосклонностью Тянь Цзи, а через год родился наследник – принц Моэ. После смерти Дэсяня правитель молан часто совершал разбойничьи вылазки, насмехаясь над невежеством Юань Гуна и его слабеющим государством. Самых же молан тем временем последовательно ослабили и в конце концов поработили южный народ яньхо и западный народ гаоя.

Тянь Цзи был жаден до власти и славы, поэтому он нашел предлог нарушить обещание о ненападении на муя и вновь вынул из ножен меч войны.

– Ваше величество, неужели вы нарушите свое слово? Разве вы не обещали, что не поведете войска на муя? – Ланьжэ с бледным лицом вошла в тронный зал.

– Госпожа! – Генерал Му Хай вышел вперед, чтобы преградить ей путь. Ланьжэ бросила на него холодный взгляд, и тот смутился.

– Ваше величество, сдержите обещание! – Ланьжэ замерла.

– Ланьжэ, ты теперь одна из молан! Интересы этого народа должны быть для тебя важнее всего! Юань Гун слаб и беспомощен, жаль упускать такие замечательные земли. По воле небес муя – вассал молан, и никто не сможет этого изменить! Поди прочь, Ланьжэ! – Тянь Цзи изо всех сил старался сдержать злость, когда, хмурясь, смотрел на свою любимую наложницу.

– Ваше величество, умоляю, отзовите войска! – Ланьжэ упрямо смотрела на него, ее губы дрожали.

– Что будет, если я не сделаю этого?

– Перед тем как я покинула Энигму, отец сказал мне, что муя и молан отныне братские народы и более не будут воевать друг с другом, а моей задачей было способствовать сохранению дружественных отношений между двумя государствами. И вот правитель молан вновь идет войной на царство муя. Я не в силах этому помешать, и мне стыдно перед моим отцом, поэтому единственный выход – смерть.

Тянь Цзи бросил на наложницу холодный, острый взгляд.

Она сделала глубокий вдох и медленно вынула из-за пазухи кинжал.

– Не стоит этого делать. – Криво улыбнувшись, Тянь Цзи протянул руку, чтобы перехватить кинжал.

Ланьжэ закрыла глаза и полоснула лезвием себе по горлу. Амулет с полуптицей на ее шее засветился прохладным, таинственным светом.

– Ланьжэ!

Оберег вспыхнул холодным синим огнем, задержав лезвие, и то лишь слегка оцарапало ее шею. Она сурово посмотрела на Тянь Цзи.

Его лицо посерело, и, не взглянув на принцессу, правитель ушел прочь.

Войска молан двинулись на восток захватывать царство муя.

– 7 ~

Тянь Цзи прибыл с многочисленным войском, большим запасом еды, питьевой воды и сена для лошадей. Соседние с муя государства оказались в ловушке, как черепахи в чане.

Царство муя потеряло половину своей территории. Юань Гун был в ужасе. Юань Хэ отважно сражался, в то время как генералы Байхэ²⁸ и Хэйхэ²⁹, защищавшие стены Энигмы, постепенно сдавали позиции. Столице грозила серьезная опасность. Юань Хэ и его войско призвали для защиты Энигмы, где им предстояло вступить в смертельную схватку с врагом.

– Сдавайтесь!

– Сдаемся! – хором ответили генералы Байхэ и Хэйхэ, стоявшие рядом с Юань Гуном.

– Мы не можем сдаться! Ваше величество, воины молан кровожадны и жестоки, где бы ни прошли, они оставляют за собой лишь кости на земле. – Генерал Юань Хэ с глазами, полными слез, смотрел на Юань Гуна. – После того как западный народ гаоян, южный народ яньхо и восточный народ люша сдались, не осталось никого, кто бы не попал под меч молан. Сейчас, когда у нас еще есть запасы еды и питья, а у воинов еще теплится надежда на победу, разве можно просто сложить оружие и сдаться? Ваше величество, вы забыли о последней воле покойного правителя?! «Боги благословили народ муя, защищай его до последнего, живи и умри вместе с ним!»

Генералы Байхэ и Хэйхэ молча переглянулись.

Юань Гун нерешительно поддержал Юань Хэ. Энигма в опасности! Юань Гун отправил гонца с просьбой о помощи к Ланьжэ, в далекие пределы царства Пустынных волков.

²⁸ Часть имени – «Бай» – переводится с китайского как «белый».

²⁹ Часть имени – «Хэй» – переводится с китайского как «черный».

– Лэй! Знаешь ли ты, о чем Юань Гун попросил Ланьжэ?

– Нет.

– Он попросил Ланьжэ убить Тянь Цзи!

– Синяя птица! Ты ведь видишь, что произойдет? Ответь мне, она решится на это?

– Решится. – После долгого колебания я раскрыла секрет.

– И?..

Я закрыла глаза, не в силах продолжить.

– Синяя птица! Говори же! Я должен знать! Говори! Что будет с Ланьжэ?

– Я скажу, но прежде поклянись следовать воле Небес и не пытаться использовать божественную силу, чтобы повлиять на исход событий!

– Клянусь.

– Хорошо. Смотри в мои глаза...

В них пронеслись видения грядущих событий.

Я наблюдала за тем, как лицо Лэя постепенно бледнеет, дыхание становится прерывистым, как он сжимает кулаки, стелая от боли:

– Нет! Не может такого быть! Нет!

Он вскочил на коня и умчался прочь.

– Лэй! Лэй! – Я расправила крылья и последовала за ним. – Лэй, что ты задумал? Помни запрет горного бога: нельзя вмешиваться в дела людей! Лэй! Не забывай, что ты сын Священной горы! Ты поклялся!

Лэй не слушал меня и отчаянно прищипоривал коня. Охранявшие город стражники растерянно смотрели, как командир войск скачет в сторону лагеря молан. Прежде чем молан успели среагировать, Юань Хэ уже проложил себе кровавый путь сквозь плотное окружение войск, пересекая лагерь.

Он сошел с ума?!

– Лэй! Остановись! – запаниковала я.

Внезапно впереди с небес пролился поток воды, превратившись на земле в бурную реку.

– Я должен ее спасти, – пробормотал он, с изумлением уставившись на широкую реку, возникшую перед ним; потом слез с коня.

– Лэй! Сын мой, остановись! – зашумела река. Бог Энигма обратился в бурную реку, дабы образумить строптивого сына. – Оставшись среди людей, ты уже совершил ошибку. Сделать для Ланьжэ оберег, чтобы перед смертью она страдала от боли в десять крат сильнее, было еще одной ошибкой. Терпение Небес не безгранично, немедленно вернись!

– Нет, отец, я не могу! – Глаза Лэя покраснели, в муках он бил себя по голове, упав на колени и громко плача. – Это невыносимо!

– Все предрешено.

– Почему это должна быть Ланьжэ?

– Не испытывай терпение богов!

Я подлетела к Лэю, желая его утешить.

Крупные, как фасолинки, слезы скатывались по его лицу и, падая на меня, проникали в мое сердце, растапливая лед.

Я фыркнула и вдруг почувствовала невыносимую душевную боль, хуже физической. Неужели я ощутила то же, что и Лэй? Это и есть та самая печаль?

– 8 ~

Я видела все. В покоях Тянь Цзи царил полный беспорядок. Из семи ран правителя текла кровь, его глаза были широко распахнуты, он лежал с потемневшим лицом. Рядом на полу в лужах красного вина валялись осколки яшмовой чаши.

Ланьжэ сидела у его ложа с застывшим взглядом. Она покорилась судьбе.

Смерть Тянь Цзи не избавила Энигму от угрозы. Его младший брат Тянь Гао, обладавший огромной властью, вынудил наложницу отдать ему нефритовую печать³⁰ и захватил трон. Тяньцзи погиб от рук наложницы из народа муя. Под предлогом мести за брата Тянь Гао поклялся:

– Иссущу кровь народа муя и истреблю их всех до единого!

А Ланьжэ Тянь Гао запер в темнице, где ее жгли огнем, рвали ей сухожилия и калечили... Новый правитель молан приказал использовать все виды пыток, но не давать ей умереть.

– Она должна жить и своими глазами увидеть гибель родного царства!

Большую часть времени Ланьжэ была без сознания.

Тысячи воинов молан пошли в наступление на земли Энигмы, муя же стояли насмерть.

Город Черной реки пал, и молан вырезали все население, никого не щадя. Кровь лилась рекой. А генерал Му Хай, родившийся в стране муя, захватил город Белой реки, чьим главой был девятилетний Юань Сянь, младший брат Ланьжэ. Так как генерал Байхэ перед сражением бежал, войска возглавил его помощник Му Чуань. Му Хай был братом Му Чуаня и настоятельно уговаривал его сдаться. Тот же поклялся, что не сдастся и будет стоять до последнего, пока город не падет. Для Юань Сяня смерть была лучше поражения, и на глазах у Му Хая он насмерть разбился, бросившись с крепостной стены. Му Хай был настолько потрясен этим поступком, что не смог убить жителей города, поэтому, вопреки приказу государя, он позволил им бежать. После Му Хай больше не принимал участия в войне.

Тянь Гао был в ярости, но его старшая сестра, принцесса Тянь Синь, жена Му Хая, спасла супруга от смерти.

Спустя полгода все основные города царства муя были потеряны. Непокоренной осталась лишь столица Энигма, которую защищал генерал Юань Хэ.

После долгих безуспешных атак озлобленный Тянь Гао решил лично возглавить войска и, повелев вывести из подземелья окровавленную Ланьжэ, посадил ее в повозку рядом с собой, чтобы отправиться в Энигму.

³⁰ Нефритовая печать – символ государственной власти в монархическом Китае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.